

пах. Для средневекового сознания немислимо представить, чтобы из бесцветных, лишенных запаха и плоти частиц складывалось нечто вещественное, да еще красное и пахучее вроде киновари. Ведь и по *Лукрецию*, *сумма неощутимых неощутима*. Эта апория не только оставалась неразрешимой, но даже и не рассматривалась в алхимии. Да и проверка чувственных ощущений для физика-оптика и алхимика осуществлялась по-разному. Если алхимик вполне доверял глазу, воспринимающему цвет, то этот же алхимик на другой день, вычерчивая ход отражающихся и преломленных световых лучей, уже не верил глазам своим: глаза на этот раз обращены ведь на небо, а стало быть, к богу.

Обратившись к творчеству *Бэкона*, нетрудно представить себе и такое: с одной стороны, *учение о перспективе*, пронизанное «геометрическим атомизмом», с другой — алхимические трактаты³¹. Не потому ли должно было пройти три столетия от изобретения всех технических частей телескопа до самого телескопа?³²

Атомизм был принципиально чужд алхимии. Здесь следует иметь в виду и антиатомистические (неоплатонические) основания, сформулированные при закладке александрийской алхимии. «... Каждая вещь,— учит *Плотин* (III в.),— состоит из материи и идеи. Это подтверждает также индукция, показывающая, что уничтожающаяся вещь сложна; то же доказывает и анализ. Например, если чаша распадается на [слитки] золота, а золото превращается в воду, то и вода требует соответствующего превращения. Необходимо, чтобы элементы были идеей или первой материей или состояли из материи и идеи. Но идеей они не в состоянии быть, ибо как могли бы они без материи иметь объем и величину? Но не в состоянии они быть и первой материей, ибо они подвержены уничтожению. Стало быть, они состоят из материи и идеи, а именно они идея по качеству и форме, материя же по субстрату, который неопределен, поскольку он не имя» (АМФ, 1, с. 543). И как следствие этого: «... атомы не могут иметь значения материи, так как они вообще не существуют, невозможно создать из атомов другое естество, помимо атомов... никакой демиург ничего не создает из материи, лишенной непрерывности» (с. 544). Демиург-алхимик нуждался в сплошном материале, в *Едином*, которое, по *Плотину*, есть «потенция всех вещей» (с. 551). Или: «Материя должна быть не сложной, а простой и по своей природе чем-то единым, ибо таким именно образом она лишена всего» (с. 545). Путь к этому — экстатический путь: «...будет чудом постичь его (*Единое*.— В. Р.) вне бытия. Обращая на него свой взор, наталкиваясь на него в его проявлениях, умиротворяйся и старайся больше понять его, постигая его непо-

³¹ Речь идет здесь лишь о демокритовском атомизме, действительно чуждом алхимии. Кроме того, признание неизменности атомов «простых тел» исключает возможность трансмутации. Но если говорить о восприятии средневековыми алхимиками «химического» индивида, в котором автономизированы свойства, мы должны согласиться с тем, что такой «атомизм» (скорее — элементаризм) близок к манадологическому (сравните с *монадами Бруно*).

³² Эту ситуацию остроумно комментирует Васко Ронки (Ronchi, 1952, с. 33—58).